

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В марте 2021 г. в секторе этики Института философии РАН состоялось обсуждение трактата «Пролегомены к моральной ответственности», открывающего выпуск журнала «Финиковый Компот», посвященного рассмотрению проблемы моральной ответственности в аналитической философии (Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Пролегомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100). Авторы «Пролегомен» представили основные положения трактата, обсуждение которых с разных позиций продолжили В.С. Югай, Д.А. Ананьев, Р.С. Платонов. В последовавшей дискуссии приняли участие представители МГУ им. М.В. Ломоносова, Института философии РАН, Высшей школы экономики. Хотя концептуальные рамки обсуждения были заданы «Пролегоменами», дискуссия получилась более широкой – некоторые участники вышли за рамки предложенного для обсуждения аналитического подхода к рассмотрению ответственности, сосредоточив свое внимание на проблеме моральной ответственности как таковой. Вниманию читателей журнала предлагаются в сжатом виде материалы состоявшейся дискуссии.

*Е.В. Логинов, М.В. Гаврилов,
А.В. Мерцалов, А.Т. Юнусов*

Этика и метафизика моральной ответственности*

Логинов Евгений Владимирович – кандидат философских наук. Философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; e-mail: loginovlosmar@gmail.com

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности». The reported study was funded by RSF, project No. 21-78-10044 «The Phenomenon of Moral Responsibility».

Гаврилов Максим Викторович – аспирант кафедры этики. Философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; e-mail: mrcapy@yandex.ru

Мерцалов Андрей Викторович – редактор. Московский центр исследования сознания при философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119121, г. Москва, ул. Бурденко, д. 14А; e-mail: a.mertsalov@hardproblem.ru

Юнусов Артем Тимурович – кандидат философских наук. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: forty-two@mail.ru

Данный текст представляет результаты работы, проведенной исследовательской группой в 2019–2020 гг. Исследование было посвящено дискуссиям о моральной ответственности в аналитической философии второй половины XX – начала XXI в. В полном объеме результаты исследования представлены в коллективной работе «Пролегомены к моральной ответственности» (Логоинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Пролегомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100). И хотя «Пролегомены...» задумывались в первую очередь как обзорная работа, в ней также представлены и собственные идеи авторов, главным образом метатеоретического характера. В настоящей статье они представлены в кратком виде в такой последовательности: а) постановка проблемы в общем виде, б) обсуждение этики и метафизики моральной ответственности, в) рассмотрение концептуального вопроса, касающегося природы отношения уместности моральных реакций.

Ключевые слова: моральная ответственность, реактивные установки, уместность, осуждение

Проблема моральной ответственности в аналитической философии последних 60 лет может быть представлена в первом приближении как проблема природы и условий уместности разного рода моральных реакций (таких как осуждение, негодование, благодарность и т.п.) в ответ на определенный поступок. Мы возлагаем понятую таким образом моральную ответственность как на себя, так и на других людей, по крайней мере *de facto*: например, когда нам представляют некоторый случай явной несправедливости, мы склонны осуждать или винить того, кто стал причиной этой несправедливости. Часто подобная реакция представляется вполне естественной; вопрос о ее естественности, впрочем, следует отличать от вопросов о ее уместности и ее природе. Контекст обсуждения этих вопросов задается спектром *метафизических, нормативно-этических и этико-социальных вопросов*, с которыми проблема моральной ответственности непосредственно связана. К первой группе таких вопросов можно отнести проблемы свободы воли, тождества личности, природы Я и т.д. Обычно считается, что от решения этих *метафизических* вопросов непосредственно зависит решение проблемы моральной ответственности; однако теоретическая зависимость тут может быть и обратной: прояснение природы и условий моральной ответственности способно выявить слабости и преимущества конкурирующих теорий по иным метафизическим вопросам. От решения *нормативно-этических проблем* о должном, правильном и благом во многом зависит то содержание, которое способен воплотить в себе каркас,

выстраиваемый теориями моральной ответственности. Последние отвечают на вопросы о том, что такое моральная ответственность и соблюдение каких условий необходимо, чтобы осуждение или похвала были уместны, но ничего не говорят о том, за что следует осуждать или хвалить, какие поступки или черты характера являются благими или дурными и т.п. Ответы на эти последние вопросы являются задачами нормативной этики. Они же во многом обеспечивают возможность практического применения моральных теорий, которое непосредственно затрагивает проблемы условий применения наказания, психологии девиантного поведения (в том числе при психопатии, шизофрении и иных психических расстройствах), статуса жертвы и ее особых привилегий и иные *социально-этические проблемы*.

Важно также указать, что не является предметом интереса в исследованиях моральной ответственности (в том смысле, в каком мы употребляем этот термин). Когда мы задаемся вопросом о наличии у кого-то моральной ответственности, нас, в частности, не интересует: а) кто виноват в каком-то поступке только лишь в каузальном смысле (в каком снегопад может быть виновником пробок); б) ответственность в смысле добродетели, присущей человеку, который, например, ответственно относится к своим обязательствам; в) ответственность как лишь институт политического регулирования общественных отношений; г) та ответственность, которую художник несет за свои произведения. Для настоящего исследования важно, что вина (и сродные с ней феномены) всегда помещается именно в моральный контекст.

Проблему природы и условий уместности моральной ответственности естественно разделить на две части. Первая может быть представлена в виде вопросов о том, что такое моральная ответственность, какова ее структура и какие элементы должны иметь место во всяком акте возложения ответственности, чтобы он вообще состоялся как таковой. Грубо говоря, что вообще должно быть, чтобы имело место нечто, что можно оправданно назвать возложением моральной ответственности. Поскольку это трансцендентальный вопрос, отсылающий к условиям возможности объекта вопрошания, мы можем назвать его рассмотрение *метафизикой моральной ответственности*.

Другая часть касается вопроса о том, какие условия должны быть выполнены, чтобы возложение моральной ответственности было уместным. В силу того практического значения, которое имеют выполнение и невыполнение условий возложения ответственности, рассмотрение этого вопроса можно назвать *этикой моральной ответственности*.

Ясно, что этика и метафизика ответственности тесно связаны. Однако оказывается во многих отношениях полезным развести вопросы об условиях уместного возложения ответственности и об устройстве возложения ответственности как таковом.

Анализ современных дискуссий, посвященных проблемам *этики моральной ответственности*, позволяет выявить три главных условия, обсуждению которых посвящено основное внимание исследователей.

- (1) *Условие контроля*. Возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если агент контролирует (или контролировал

в релевантный момент) то, за что на него возлагается моральная ответственность.

Это условие наиболее тесно связано с метафизическими дискуссиями о свободе воли и детерминизме, который мы понимаем как утверждение о том, что у мира в каждый момент времени есть лишь одно возможное будущее. Традиционно предполагается, что если детерминизм верен, то у нас нет контроля, достаточного для условия (1). Если это так, то любая моральная реакция, будь то осуждение или благодарность, наказание или поощрение, в ответ на любое действие будет неоправданной в моральном смысле, а значит, и неуместной. Детерминистичный мир, согласно такому представлению, не является миром, в котором мы не могли бы, например, карать несправедливость, но это такой мир, в котором у нас нет морального права на такое действие (которого, правда, мы не сможем избежать). Отказ от детерминизма, согласно не менее традиционному рассуждению, ведет к не меньшим проблемам. Если между предшествующим действию состоянием и самим действием нет необходимой, детерминированной, однозначной связи (а ее, на первый взгляд, нет, если детерминизм ложен), то само действие начинает походить скорее на случайность. А случайные события мы не контролируем, значит, условие (1) также не выполняется.

Способ преодолеть эти дилемматические рассуждения предложил Питер Стросон¹. Согласно его подходу, возложение ответственности основано на естественных моральных эмоциях, которые возникают у нас в ответ на определенные события. Эти эмоции естественны в том смысле, что они составляют часть нашей природы, которой мы обладаем вне зависимости от детерминистичности мира и которую невозможно изменить на основании каких бы то ни было теоретических соображений о том, детерминистичен ли наш мир. В отдельных случаях мы можем счесть некоторые эмоции неуместными: если поймем, что они возникли в ответ на действие, совершенное человеком невольно (как в ситуации, когда кто-то в трамвае наступает другому на ногу лишь потому, что трамвай резко остановился), или если этот человек по той или иной причине, временно или нет, не является членом морального сообщества (например, вследствие психического расстройства). Тем самым Стросон демонстрирует, что вопрос об уместности моральных реакций не зависит от детерминизма, а значит, вопрос о моральной ответственности должен быть отделен от этой общеметафизической проблемы.

Однако успешность этой стратегии Стросона может быть поставлена под сомнение. Неясно, почему нельзя, например, настаивать, что при истинности детерминизма все наши действия подобны действию человека, который при внезапной остановке трамвая наступил кому-то на ногу. Стросон отвечает, что у такого человека не будет намерения наступить другому на ногу, тогда как детерминистичность мира не исключает наличия намерений, однако такого рода ответ не лишен уязвимостей. В конце концов, оппоненты Стросона могут утверждать, что детерминизм исключает реальную возможность альтернатив,

¹ Стросон П. Свобода и обида // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 204–221. См. также: Беседин А.П. Натуралистический аргумент П. Стросона в пользу моральной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 6. С. 8–16.

а вместе с ней и возможность поступить иначе, необходимую, как порой предполагается, для того рода контроля, который выступает условием моральной ответственности. Однако необходимость такой возможности сама может быть поставлена под вопрос. Г. Франкфурт² предложил эффектный мысленный эксперимент, призванный показать, что для уместного возложения моральной ответственности возможности поступать иначе не требуется. Однако это не означает, что для него вовсе не нужен контроль. В этом отношении полезным представляется предложенное Дж. Фишером³ различие регулирующего контроля, предполагающего реальную возможность альтернатив и возможность поступать иначе, и направляющего контроля, который имеется в случае, когда мы являемся источником своих действий, и для которого реальная возможность поступить иначе не обязательна. Детерминизм исключает возможность регулирующего контроля, но он совместим с направляющим контролем, которого, по мысли Фишера, достаточно для соблюдения условия (1). Важно, что даже в тех исследовательских программах, которые стараются минимизировать требование условия (1), например у Т. Скэнлона, оно все же присутствует, пусть и в имплицитном виде⁴.

(2) *Эпистемическое условие*. Возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если агент находился в такой эпистемической позиции, из которой ему в достаточной степени было доступно релевантное знание о том, за что на него возлагается моральная ответственность⁵.

Эпистемическое условие обычно раскрывается в нескольких отношениях. Предполагается, что, совершая некоторое действие, агент должен быть в состоянии понимать его последствия, моральную значимость, возможные альтернативы и т.д. Существенно, что речь не обязательно идет об актуальном знании агента – если актуально агент чего-то не знал, это еще не делает возложение на него ответственности неуместным, – но о том знании, наличия которого было бы уместно требовать от агента в его положении. В этом отношении особую роль играют причины незнания. Предполагается, что если агент не знает чего-то по причинам, за которые он сам несет моральную ответственность, то он

² Франкфурт Г. Альтернативные возможности и моральная ответственность // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. Т. 1. № 4. С. 129–140. См. также: Васильев В.В. Аргумент Франкфурта, условная свобода и моральная ответственность // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2015. № 6. С. 17–26; Мишура А.С. Гарри Франкфурт и критика принципа альтернативных возможностей // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. Т. 1. № 4. С. 111–128.

³ Fischer J.M., Ravizza M. *Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility*. Cambridge, 1998.

⁴ Контроль возвращается в теории Скэнлона на более фундаментальном уровне: объектами моральной оценки могут быть только чувствительные к суждению (judgment-sensitive) установки агента, т.е. установки, которые в принципе поддаются рациональному контролю с его стороны, которые он мог бы (возможно, со временем) поменять, будучи идеально рациональным. См.: Scanlon T.M. *What We Owe to Each Other*. Cambridge, MA; London, 1998. P. 20–24.

⁵ См.: Rosen G. *Skepticism about Moral Responsibility* // *Philosophical Perspectives*. 2004. № 18. P. 295–313; Smith H.M. *Culpable Ignorance* // *Philosophical Review*. 1983. № 92. P. 543–571; *Responsibility. The Epistemic Condition* / Eds. P. Robichaud, J.W. Wieland. New York, 2017.

является ответственным и за действия, обусловленные этим незнанием; если же за причины своего незнания он не несет ответственности, то и за обусловленные этим незнанием действия ответственность может быть с него снята. Так, если врач назначает неэффективное лечение в силу недостатка своего знания, обусловленного тем, что эффективного лечения болезни его пациента еще не изобретено, считать ответственным за такую причину незнания именно этого врача было бы неуместно, а потому с него может быть снята и ответственность за неэффективное лечение. Напротив, если его незнание обусловлено тем, что в студенчестве вместо изучения предмета он предпочитал кутить в компании друзей, то он несет ответственность за некорректное лечение, поскольку он несет ответственность за причины, обусловившие его незнание. Условие (2), таким образом, тесно связано с тем, каково т.н. «качество воли» (quality of will), которую агент проявляет в своих поступках, ведущих к незнанию: уместность осуждения кого-то за незнание тесно связана с тем, проявил ли он себя дурно (показал ли дурное качество воли) в тех поступках, которые его к незнанию привели. Это соображение ведет к третьему условию уместности возложения моральной ответственности.

(3) *Психологическое условие.* Возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если оцениваемое качество воли агента имеет соответствующее выносимой оценке моральное значение («хорошо», «дурно» и т.п.)⁶.

То, что мы называем психологическим условием, объединяет схожие по духу, хотя и различные подходы, которые ориентированы на оценку оснований, из которых агент действует. Качество воли тут выступает техническим термином, под которым может пониматься как специфический психологический настрой агента или черты его характера, так и его нормативные установки, моральные убеждения и т.п. Важно не только то, какое действие совершил агент, как это действие связано с агентом – онтологически и эпистемически, – но и то, каков сам агент с моральной точки зрения. Само название условия (3) может ввести в заблуждение. Оно действительно может подразумевать нечто именно психологическое, например черты характера, такие как невнимательность врача. Но также оно может подразумевать и нечто непсихологическое. Например, дурные основания (reasons), которыми агент руководствуется в своих поступках, такие как представление врача о том, что качество жизни пациента не имеет значения. В эти детали мы сейчас не можем вдаваться. Наш подход совместим как с психологизмом в отношении оснований, так и с антипсихологизмом. Для нашей модели важно, что условие (3) служит своего рода теоретическим противовесом для условия (1), позволяя в некоторых случаях вменять моральную ответственность, даже если условие (1) не соблюдается. Отсутствие у агента контроля над действиями – например, в случае если детерминизм верен и каждым нашим шагом

⁶ См.: Scanlon T.M. What We Owe to Each Other; Shoemaker D. Responsibility from the Margins. Oxford, 2015; Стросон П.Ф. Свобода и обида; Wallace R.J. Responsibility and the Moral Sentiments. Cambridge, MA, 1994; Watson G. Two Faces of Responsibility // Philosophical Topics. 1996. № 24 (2). P. 227–248.

управляют законы природы, – не помешает нам осуждать его в силу того, что агент действует исходя из дурных оснований, если мы считаем, что в таком случае нет того «невинного» агента, который предшествовал бы манипуляции. Однако условие (1) не вытесняется условием (3) полностью: если манипуляция носит временный характер, тогда мы можем снять ответственность с агента как в силу нарушения условия (1), потому что манипуляция лишила его контроля над своими действиями, так и в силу нарушения условия (3), потому что те дурные основания, исходя из которых действует манипулируемый агент, просто не являются присущими его подлинному моральному характеру.

Условия (1)–(3) могут в каждом конкретном случае выполняться в разной мере и в разном смысле, что делает уместным возложение разных видов моральной ответственности и позволяет обосновывать разные моральные последствия, являющиеся выражением возложения моральной ответственности. Обоснование сильных последствий, таких как наказание, требует выполнения агентом условий (1)–(3), понятых в сильном смысле. Более скромные последствия, такие как незначительное снижение доверия, предполагают, что условия (1)–(3) выполнены хотя бы в слабом смысле. Однако проблема картографии моральных последствий и сопоставления каждого конкретного морального последствия с теми смыслами условий возложения моральной ответственности, которые требуются для обоснования этого последствия, нами не ставилась, так как она предполагает выход за пределы теоретической этики, в моральную психологию эмпирического толка.

Что же касается *метафизики моральной ответственности*, мы ограничились рассмотрением структуры возложения моральной ответственности и ее ключевых элементов, вынося за скобки вопрос о природе этих элементов (например, о том, являются ли моральные последствия лишь эмоциями или нет). Анализ современных теорий моральной ответственности позволяет выделить четыре основных элемента, конституирующие структуру всякого корректного возложения моральной ответственности в большинстве из этих теорий. Эти элементы могут быть условно названы моральным агентом, моральным фактором, моральным значением и моральной оценкой.

Моральным агентом мы называем объект моральной оценки – того, на кого может быть возложена моральная ответственность. В большинстве теорий критерии моральной агентности схожи: моральным агентом считается рациональный субъект, обладающий достаточными моральными компетенциями. Однако критерии рациональности и достаточности моральных компетенций могут различаться от теории к теории, в результате чего, например, наркоманы или психопаты могут считаться подходящими или неподходящими агентами для возложения того или иного типа моральной ответственности.

Моральный фактор – это то, за что на морального агента – в случае если этот фактор ему принадлежит – уместно возлагать моральную ответственность. В зависимости от конкретной теории такими факторами могут быть, например, действия агента или его качество воли (в оговоренном выше широком смысле). Критерии принадлежности фактора агенту также различаются от теории к теории и в зависимости от вида моральной ответственности (например, отсутствие регулирующего контроля может являться основанием считать, что

действие не принадлежит агенту в требуемом смысле в рамках одной, но не другой теории).

Моральное значение – это нормативное измерение, которое делает некоторый фактор моральным; эти значения могут иметь вид типа «хорошо», «плохо» или «нейтрально». Слово «значение» тут выбрано по аналогии с «истинностным значением», которое имеют высказывания. Предполагается, что моральные факторы с необходимостью имеют моральное значение (в противном случае они просто не являются *моральными* факторами), однако конкретные моральные значения конкретных моральных факторов (например, что врать – плохо) определяются содержательными моральными теориями более высокого уровня (утилитаризм, деонтология, обыденные моральные представления и т.п.).

Моральная оценка – это то, что присваивается моральному агенту за принадлежащий ему моральный фактор, обладающий определенным моральным значением. Моральные оценки имеют вид «заслуживает осуждения», «заслуживает одобрения» и т.п. Конкретно-этическое содержание моральных оценок, то, что они предполагают на практике (например, простое порицание или наказание), зависит от того, какое моральное последствие их выражает.

Выделенные элементы, согласно рабочей гипотезе, задают структуру всякого корректного возложения моральной ответственности. Соответственно, можно утверждать, что корректного возложения моральной ответственности (т.е. присвоения правильной моральной оценки агенту) не происходит в случае, если выполняется хотя бы одно из следующих условий: 1) объект оценки не является моральным агентом (потому что не является агентом вовсе или потому что не является *моральным* агентом); 2) приписываемый моральный фактор не принадлежит объекту оценки (потому что он не принадлежит агенту вовсе или потому что не принадлежит ему в релевантном смысле); 3) приписываемый (моральный) фактор не имеет (предполагаемого) морального значения (потому что не является моральным фактором вовсе или потому что имеет иное моральное значение). Учет этих условий и объединение основных структурных элементов позволяют сформулировать общую схему корректного возложения моральной ответственности:

(1) если фактор F принадлежит агенту A и F имеет значение из множества V , то A заслуживает соответствующей оценки из множества E ;

(2) F принадлежит A ;

(3) F имеет значение из множества V ;

(4) A заслуживает соответствующей оценки из множества E

(где A – это моральный агент, F – моральный фактор, V – множество моральных значений, E – множество моральных оценок).

Безусловно, эта схема в чем-то переупрощает многие моменты и у нее есть свои ограничения⁷, однако в качестве первого приближения к анализу структуры моральной ответственности она представляется вполне удовлетворительной и является главным итогом нашего исследования.

⁷ Для дискуссии см.: *Ананьев Д.А.* Понятие и концепции моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 101–107.

* * *

Отдельного внимания заслуживает вопрос о природе такого отношения, как уместность. Вопрос о том, какие моральные реакции или, шире, какие моральные последствия, выражающие содержание некоторой оценки из Е, являются уместными, нередко выступает центральным в теориях моральной ответственности. Однако подробного анализа того, что представляет собой уместность, нам отыскать не удалось. В своем анализе мы исходили из предположения, что уместность является своего рода модальным отношением.

Пусть некоторая теория моральной ответственности утверждает, что в заданных обстоятельствах определенное моральное последствие (скажем, негодование) является уместным. Означает ли это, что (1) возлагающий моральную ответственность *должен* реализовать это последствие (должен негодовать) или что (2) возлагающий моральную ответственность *может оправданно* реализовать это последствие (морально допустимо будет негодовать)?

Трактовка уместности через долженствование, (1), предполагает, что (1а) если негодование уместно, то мы обязаны его испытывать (нельзя его не испытывать);

(1б) если негодование не уместно, то мы не обязаны его испытывать (но можем и испытывать).

Трактовка уместности через оправданную возможность, (2), предполагает, что

(2а) если негодование уместно, то мы можем его испытывать (но не обязаны, было бы допустимо его и не испытывать);

(2б) если негодование не уместно, то мы не можем его испытывать (обязаны не испытывать).

(1а) и (2б) плохо совместимы с тем фактом, что появление негодования и других моральных эмоций часто находится просто вне нашего контроля. Моральная теория, которая требует, чтобы люди испытывали или не испытывали те или иные эмоции по тем или иным поводам, кажется просто неадекватной человеческой природе. Она может, например, рекомендовать нам сдерживаться, но это не то же самое, что запрещать или требовать появления у нас тех или иных эмоций. Этот довод против (1а) и (2б) назовем *аргументом от отсутствия контроля*.

(1б) и (2а) уязвимы для другого возражения, которое можно назвать *аргументом от недопустимости зла*. Можно утверждать, что отсутствие негодования в некоторых ситуациях само по себе является чем-то предвзятым. Если вы видите варварское злодеяние, но при этом не испытываете негодования, то, кажется, это само по себе говорит о вашей порочности. Еще хуже, если вы радуетесь злу. Однако (1б) и (2а) вполне допускают такие реакции: если радость при виде зла неуместна, (1б) предполагает, что испытывать ее все же будет морально допустимым, что радость при виде зла не является чем-то морально неприемлемым; аналогично (2а) предполагает, что морально допустимым будет не испытывать негодования при виде зла. Это, кажется, противоречит нашим базовым моральным интуициям, что можно считать недопустимым для хорошей моральной теории.

Поиск ответов на эти аргументы можно построить в два шага. Оба аргумента указывают на область провала каждой из четырех возможных модальных трактовок уместности. В этой связи первым шагом будет полезно очертить ту область, в которой по крайней мере некоторые из этих трактовок успешно применимы. Вторым шагом станет анализ оснований, в силу которых кажется, что эти трактовки проваливаются в той области, на которую указывают аргументы.

Оба аргумента демонстрируют неприменимость модальных трактовок уместности к эмоциональным моральным последствиям, которые их *hypothesi* являются неконтролируемыми. Однако не все моральные последствия так же неконтролируемы, как эмоции. Например, мы куда лучше контролируем словесное порицание или разрыв отношений. Легко показать, что применительно к контролируемым моральным последствиям аргумент от недопустимости зла сохраняет свою силу: (1б) и (2а) проваливаются и в этом случае. Скажем, если предателя уместно наказывать и неуместно хвалить, (1б) будет предполагать, что допустимо хвалить предателя, а (2а) – что допустимо его не наказывать; и если похвала предателя и воздержание от его наказания сами по себе являются чем-то предосудительным, что кажется интуитивно правдоподобным, (1б) и (2а) оказываются несостоятельны.

Однако в отношении контролируемых моральных последствий аргумент от отсутствия контроля, очевидно, не будет работать. Это открывает возможность применения трактовок (1а) и (2б) в этой области. Уместность здесь будет означать обязанность инициировать некоторое конкретное контролируемое моральное последствие, неуместность – обязанность не инициировать его. В случае с предателем (1а) будет обязывать нас наказать предателя, а (2б) – воздержаться от его похвалы, что кажется вполне естественным. И это позволяет сделать первый шаг в ответе на аргументы: по всей видимости, область контролируемых моральных последствий является той твердой почвой, где трактовки (1а) и (2б) являются успешно применимыми. Почему же в случае неконтролируемых моральных последствий кажется, что все трактовки проваливаются?

Можно заметить, что основания приведенных аргументов плохо согласуются друг с другом: аргумент от отсутствия контроля предполагает недопустимость требования испытывать или не испытывать определенные эмоции с учетом того, что мы их не контролируем, а аргумент от недопустимости зла, кажется, основывается именно на таком требовании, представляя негодование и отсутствие радости при виде зла как нечто должное. По всей видимости, какие-то из интуиций, стоящих за основаниями этих аргументов, должны быть отброшены.

К отказу от интуиций, стоящих за аргументом от недопустимости зла, может подтолкнуть более внимательный анализ (2а). Согласно (2а), если при виде зла негодование уместно, то мы можем его испытывать, но не обязаны, было бы допустимо и не испытывать его. Аргумент от недопустимости зла предполагает, что в таком случае наша моральная теория будет считать допустимым то, что таковым фактически не является. Однако утверждать подобное, кажется, значит утверждать моральную недопустимость эмоциональной

черствости, а интуиции в пользу этого утверждения уже не так сильны. Действительно, в соответствии с (1а) от эмоционально черствого агента разумно требовать, чтобы он при виде зла совершал другие уместные действия, которые находятся под его контролем, например старался бы зло пресечь. Но будет ли столь же разумно требовать от него, чтобы он старался пресечь зло именно с негодованием, а не оставаясь внутренне спокойным? Такое требование может представляться чрезмерным: черствый человек, который без эмоций сделал все, чтобы остановить зло, вряд ли заслуживает порицания.

В пользу же интуиций, стоящих за аргументом от недопустимости зла, говорит анализ (1б), демонстрирующий его неприменимость в случае неконтролируемых моральных последствий. Если агент испытывает радость при виде самых ужасных зверств над самыми невинными людьми, то кажется, что это явно свидетельствует о каком-то глубоком моральном недуге такого агента и что агент заслуживает осуждения за свою эмоциональную реакцию, даже если уместные контролируемые моральные последствия (типа попытки пресечь зло) реализуются им в полном объеме.

Неприемлемость (1б) в случае неконтролируемых моральных последствий подталкивает к принятию обратной трактовки, (2б), обязывающей не испытывать неуместных эмоций. Принятие (2б) предполагает отказ от интуиций, стоящих за аргументом от отсутствия контроля. В пользу такого отказа может говорить предположение, что, возможно, степень нашего контроля над моральными эмоциями недооценена. Не исключено, что различие между контролируемыми моральными последствиями и теми, что считаются неконтролируемыми, лишь в степени, но не в наличии или отсутствии контроля вообще. Или, возможно, даже если эмоции не находятся под нашим прямым контролем, мы можем иметь над ними опосредованный контроль и исправлять свой характер посредством длительной работы над собой. Тогда уместность и неуместность эмоций можно анализировать по аналогии с контролируемыми моральными последствиями, т.е. в духе (1а) и (2б). Вопрос, однако, в том, не является ли это требование чрезмерным для таких существ, как мы.

Список литературы

- Ананьев Д.А. Понятие и концепции моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 101–107.
- Беседин А.П. Натуралистический аргумент П. Стросона в пользу моральной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 6. С. 8–16.
- Васьков В.В. Аргумент Франкфурта, условная свобода и моральная ответственность // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 6. С. 17–26.
- Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100.
- Мишура А.С. Гарри Франкфурт и критика принципа альтернативных возможностей // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1. № 4. С. 111–128.
- Стросон П. Свобода и обида / Пер. Е.В. Логинова // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 204–221.
- Франкфурт Г. Альтернативные возможности и моральная ответственность / Пер. А.С. Мишуры // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1. № 4. С. 129–140.

- Fischer J.M., Ravizza M.* Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility. Cambridge: Cambridge UP, 1998. 277 p.
- Responsibility. The Epistemic Condition / Eds. P. Robichaud, J.W. Wieland. New York: Oxford UP, 2017. 320 p.
- Rosen G.* Skepticism about Moral Responsibility // *Philosophical Perspectives*. 2004. No. 18. P. 295–313.
- Scanlon T.M.* Forms and Conditions of Responsibility // *The Nature of Moral Responsibility* / Eds. R. Clarke, M. McKenna, A.M. Smith. Oxford: Oxford UP, 2015.
- Scanlon T.M.* What We Owe to Each Other. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard UP, 1998. 432 p.
- Shoemaker D.* Responsibility from the Margins. Oxford: Oxford UP, 2015. 282 p.
- Smith H.M.* Culpable Ignorance // *Philosophical Review*. 1983. No. 92. P. 543–571.
- Strawson P.F.* Freedom and Resentment // *Proceedings of the British Academy*. 1962. Vol. 48. P. 1–25.
- Wallace R.J.* Responsibility and the Moral Sentiments. Cambridge, MA: Harvard UP, 1994. 288 p.
- Watson G.* Two Faces of Responsibility // *Philosophical Topics*. 1996. No. 24 (2). P. 227–248.

Ethics and Metaphysics of Moral Responsibility

Evgeny V. Loginov

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky prospekt, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: loginovlosmar@gmail.com

Maksim V. Gavrilov

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky prospekt, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: mrcapy@yandex.ru

Andrew V. Mertsalov

Lomonosov Moscow State University. 14A Burdenko str., Moscow, 119121, Russian Federation; e-mail: a.mertsalov@hardproblem.ru

Artem T. Iunusov

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Gonchamaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: forty-two@mail.ru

This text presents the result of the work of our research group carried out in 2019–2020. The research has focused on the debate on moral responsibility in analytical philosophy in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. The full results of the study are presented in the collective work “Prolegomena to moral responsibility” (see: Loginov E.V., Gavrilov M.V., Mertsalov A.V., Iunusov A.T. “Prolegomeny k moral’noi otvetstvennosti” [Prolegomena to Moral Responsibility], *Finikovyi kompout* [Date Palm Compote], 2020, No. 15, pp. 3–100. (In Russian)). Although Prolegomena was conceived primarily as a survey work, it also presents its authors’ own ideas, mostly of a metatheoretical ones. In this paper these ideas are summarised briefly in the following order: a) the problem statement in general terms, b) a discussion of ethics and metaphysics of moral responsibility, and c) a considera-

tion of an important question having to do with the nature of the relation of “appropriateness” of moral reactions.

Keywords: moral responsibility, reactive attitudes, appropriateness, blame

References

- Ananyev, D.A. “Ponyatie i kontseptsii moral’noi otvetstvennosti” [The Concept and Conceptions of Moral Responsibility], *Finikovyi Kompot*, 2020, No. 15, pp. 101–107. (In Russian)
- Besedin, A.P. “Naturalisticheskiy argument P. Strosona v pol’zu moral’noi otvetstvennosti” [Peter Strawson’s Naturalistic Argument for Moral Responsibility], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, 2015, No. 6, pp. 8–16. (In Russian)
- Fischer, J.M., Ravizza, M. *Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility*. Cambridge: Cambridge UP, 1998. 288 pp.
- Frankfurt, H. “Al’ternativnye vozmozhnosti i moral’naya otvetstvennost’” [Alternate Possibilities and Moral Responsibility], transl. by A.S. Mishura, *Filosofiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*, 2017, Vol. 1, No. 4, pp. 129–140. (In Russian)
- Loginov, E.V., Gavrilov, M.V., Mertsalov, A.V., Iunusov, A.T. “Prolegomeny k moral’noi otvetstvennosti” [Prolegomena to Moral Responsibility], *Finikovyi kompote*, 2020, No. 15, pp. 3–100. (In Russian)
- Mishura, A.S. “Garri Frankfurt i kritika printsipa al’ternativnykh vozmozhnostei” [Harry Frankfurt and Criticism of the Principle of Alternate Possibilities], *Filosofiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*, 2017, Vol. 1, No. 4, pp. 111–128. (In Russian)
- Robichaud, P., Wieland, J.W. (eds.) *Responsibility. The Epistemic Condition*. NY: Oxford UP, 2017. 288 pp.
- Rosen, G. “Skepticism about Moral Responsibility”, *Philosophical Perspectives*, 2004, No. 18, pp. 295–313.
- Scanlon, T.M. “Forms and Conditions of Responsibility”, *The Nature of Moral Responsibility*, ed. by R. Clarke, M. McKenna, A.M. Smith. Oxford: Oxford UP, 2015, pp. 89–114.
- Scanlon, T.M. *What We Owe to Each Other*. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard UP, 1998. 432 pp.
- Shoemaker, D. *Responsibility from the Margins*. Oxford: Oxford UP, 2015. 288 pp.
- Smith, H.M. “Culpable Ignorance”, *Philosophical Review*, 1983, No. 92, pp. 543–571.
- Strawson, P.F. “Svoboda i obida” [Freedom and Resentment], transl. by E.V. Loginov, *Finikovyi Kompote*, 2020, No. 15, pp. 204–221. (In Russian)
- Vasilyev, V.V. “Argument Frankfurta, uslovnaya svoboda i moral’naya otvetstvennost’” [Frankfurt Cases, Conditional Freedom, and Moral Responsibility], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofia*, 2015, No. 6, pp. 17–26. (In Russian)
- Wallace, R.J. *Responsibility and the Moral Sentiments*. Cambridge, MA: Harvard UP, 1994. 288 pp.
- Watson, G. “Two Faces of Responsibility”, *Philosophical Topics*, 1996, No. 24 (2), pp. 227–248.